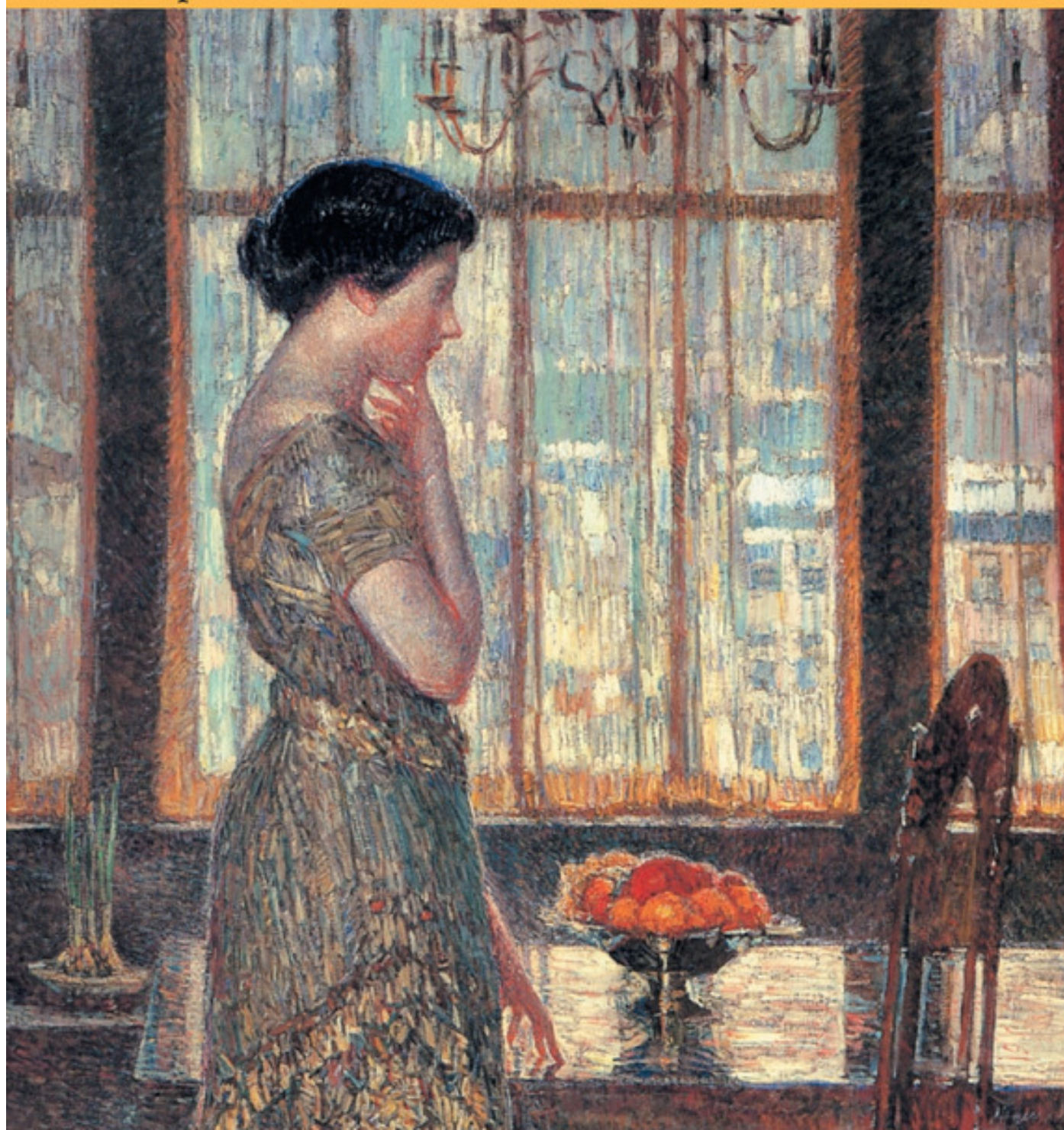

Трумен
Капоте

Если я забуду тебя

[сборник]

XX век / XXI век – The Best

Трумен Капоте

**Если я забуду тебя.
Ранние рассказы**

«АСТ»

2015

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44

Капоте Т.

Если я забуду тебя. Ранние рассказы / Т. Капоте — «АСТ»,
2015 — (XX век / XXI век – The Best)

ISBN 978-5-17-100138-4

Эти четырнадцать ранних рассказов Трумена Капоте очень важны для понимания его творчества, или, как выразился знаменитый критик Хилтон Алс, «для понимания того, как мальчишка из Монровилля, штат Алабама, стал легендой американской литературы». Перед читателем проходит череда персонажей: женщин, познающих муки и радости любви, интеллектуалов, защищающихся от жестокости и равнодушия мира броней напускного цинизма, детей и взрослых, понапрасну ищущих доверия и понимания. Мир рассказов Капоте далеко не идеализирован – он полон преступлений и несправедливости, бедности и отчаяния. Однако в этом мире есть место и для страсти, и для нежности, и для великодушия, и даже для чуда... Сборник издается впервые.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-100138-4

© Капоте Т., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Предисловие	6
Расставание с дорогой	11
Ужас на болоте	15
Если я забуду тебя	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Трумен Капоте

Если я забуду тебя: ранние рассказы

Truman Capote

THE EARLY STORIES OF TRUMAN CAPOTE

Печатается с разрешения издательства Random House, a division of Penguin Random House LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

© Hilton Als, 2015

© Penguin Random House LLC, 1993, 2015

© Перевод. И. Я. Доронина, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Трумен Капоте (настоящее имя – Трумен Стрекфус Персоне, 1924–1984) – хорошо известный российскому читателю автор произведений «Другие голоса, другие комнаты», «Завтрак у Тиффани», первого в истории мировой литературы документального «романа-исследования» «Хладнокровное убийство». Однако в англоязычных странах Капоте принято считать прежде всего талантливым рассказчиком – ведь именно рассказ «Мириам», написанный им в 20 лет и отмеченный премией О. Генри, открыл ему путь в большую литературу.

Изумительные рассказы, в которых юный Капоте пытается совместить в своем творческом сознании детство на провинциальном Юге и жизнь в мегаполисе, стать голосом для тех, чьи чувства и мысли обычно остаются невысказанными.

«*USA Today*»

Никто и никогда не смог сравниться с Капоте в умении выразить место, время и настроение в паре коротких фраз!

«*Associated Press*»

Предисловие

Трумен Капоте стоит посреди своего номера в мотеле и смотрит на экран телевизора. Мотель находится в центре страны – в Канзасе. Это 1963 год. Дрянной ковер у него под ногами жесткий, но именно его жесткость помогает ему сохранять равновесие – при том количестве спиртного, которое он выпил. На улице дует западный ветер, а Трумен Капоте со стаканом скотча в руке смотрит телевизор. Это один из способов расслабиться после долгого дня, проведенного в Гарден-Сити или его окрестностях, там он собирает материал для своего романа «Хладнокровное убийство», основанного на реальных событиях, – о групповом убийстве и его последствиях. Капоте приступил к этой работе в 1959 году, но задумывал ее не как книгу, а как статью для журнала «Нью-Йоркер». По первоначальному замыслу, автор собирался описать в статье маленькую провинциальную общину и ее реакцию на убийство. Однако к тому времени, когда он приехал в Гарден-Сити – убийство было совершено неподалеку от поселка Холкомб, – Перри Смит и Ричард Хикок были уже арестованы, и им предъявили обвинение в убийстве владельцев фермы мистера и миссис Герберт Клаттер и их малолетних детей Нэнси и Кеньона; в результате этого ареста фокус замысла у Капоте сместился, интерес стал более глубоким.

Впрочем, в то утро, о котором идет речь, до написания «Хладнокровного убийства» остается еще около двух лет. Пока – год 1963-й, и Трумен Капоте стоит перед телевизором. Ему скоро сорок лет, и пишет он почти столько же, сколько помнит себя. Слова, рассказы, сказки он начал сочинять еще в детстве, которое провел в Луизиане и сельской Алабаме, затем переехал в Коннектикут, потом в Нью-Йорк, став, таким образом, человеком, сформированным разделенным миром противостоящих культур: на его родном Юге царила сегрегация, на Севере, по крайней мере на словах, – идея ассимиляции. И здесь, и там его воспринимали как странного упряма, одержимого желанием стать писателем. «Я начал писать в восьмилетнем возрасте, – рассказал однажды Капоте. – Ни с того ни с сего, без какого бы то ни было внешнего побуждения. Я никогда не был знаком ни с кем, кто писал, правда, знал нескольких людей, которые читали». Писательство, стало быть, являлось для него врожденным свойством, как и его гомосексуальность – или, точнее, его созерцательная, критическая, заинтересованная гомосексуальная восприимчивость. Одно служило другому.

«Самым интересным, что я написал в то время, – сообщает Капоте о своих «вундеркиндских» годах, – это повседневные простодушные наблюдения, которые я запечатлевал в дневнике. Описание соседа... Местные сплетни... Своего рода репортажи в стиле «что видел» и «что слышал», которые позднее оказали на меня серьезное влияние, хотя тогда я этого и не сознавал, потому что все мои «официальные» писания, то есть то, что я публиковал, тщательно перепечатав на машинке, были в большей или меньшей степени вымыслом». Тем не менее репортерский голос и в ранних рассказах Капоте, собранных в этом издании, остается наиболее выразительной их особенностью – наряду с умением тщательно отличать одно от другого. Вот цитата из «Мисс Белл Ранкин» – написанного Труменом Капоте в семнадцатилетнем возрасте рассказа о женщине из маленького южного городка, не вписывающейся в окружающую ее жизнь.

Мне было восемь, когда я впервые увидел мисс Белл Ранкин. Стоял жаркий августовский день. На расчерченном багровыми полосами небе солнце клонилось к закату, и сухой раскаленный воздух, дрожа, поднимался от земли.

Я сидел на ступеньках парадного крыльца, наблюдая за приближающейся негритянкой и недоумевая, как ей удастся тащить такой огромный тюк выстиранного белья на голове. Она остановилась и, ответив на мое приветствие, рассмеялась характерным негритян-

ским смехом – протяжным и темным. Именно в тот момент на противоположной стороне улицы появилась медленно идущая мисс Белл. Увидев ее, прачка словно вдруг испугалась и, оборвав фразу на середине, зашепила восвояси.

Я долго и пристально смотрел на проходившую мимо незнакомку, которая стала причиной столь странного поведения прачки. Незнакомка была маленькой, одетой во все черное с какой-то полоской и пыльное, она выглядела неправдоподобно старой и морщинистой. Пряди жидких седых волос, мокрых от пота, прилипли к ее лбу. Она шла, опустив голову и уставившись в немогущий тротуар, словно искала что-то. Старая черно-рыжая собака брела за ней, отрешенно ступая по следам хозяйки.

После этого я видел ее много раз, но то первое впечатление, почти видение, навсегда осталось самым запоминающимся – мисс Белл, бесшумно идущая по улице, маленькие облачка красной пыли вьются вокруг ее ног, и она постепенно исчезает в сумерках.

Мы еще вернемся к этой негритянке и отношению Капоте к черным в ранний период его творчества. А пока отметим ее как реальный плод воображения автора, связанный со временем и местом его происхождения, как своего рода болезненный литературный артефакт, черную «тень», по выражению Тони Моррисон, которая принимает множество обликов в романах белых авторов-тяжеловесов эпохи Депрессии, таких как Хемингуэй, Фолкнер и обожаемая Труменом Капоте Уилла Кэсер. Когда эта фигура возникает в «Мисс Белл Ранкин», повествователь из рассказа Капоте, явно не отождествляемый с автором, откровенно дистанцируется от нее, обращая внимание читателя на ее «протяжный и темный» смех и на то, как легко она пугается: самого рассказчика спасает от испуга принадлежность к белым.

Рассказ 1941 года «Люси» ведется от имени другого молодого человека. И на сей раз протагонист пытается идентифицировать себя с черной женщиной, к которой окружающие относятся как к собственности. Капоте пишет:

Люси появилась у нас благодаря маминной любви к южной кухне. Я проводил летние каникулы на Юге, у своей тети, когда мама написала ей письмо с просьбой найти для нее цветную женщину, которая умела бы хорошо готовить и согласилась бы приехать в Нью-Йорк.

Обшарив всю округу, тетя остановила выбор на Люси.

Люси жизнерадостна и любит музыкальные представления так же, как ее юный белый «компаньон». Более того, она любит подражать тем певицам – среди них Этель Уотерс, – которыми восхищаются они оба. Но Люси – а вероятно, и Этель? – скорее всего представляет собой лишь тип негритянского поведения, который вызывает восхищение лишь потому, что он привычен. Люси не являет собой личности, так как Капоте не придает ей индивидуальности. В то же время ему хочется создать некий характер, обладающий душой и телом, который соответствовал бы тому, что на самом деле исследует автор и что тоже является одной из его главных тем, – аутсайдерство.

Важнее, чем расовая принадлежность, «южность» Люси, перемещенная в холодный климат, – климат, с которым повествователь, явно одинокий мальчик вроде самого Капоте, единственного сына матери-алкоголички, видимо, идентифицирует себя самого. Тем не менее создатель Люси не может сделать ее реальной, ибо его собственное ощущение различия между черными и белыми неясно пока ему самому – и он хочет найти ключ к этому ощущению. (В рассказе 1979 года Капоте пишет о себе, каким он был в 1932-м: «У меня была тайна, нечто, что меня беспокоило, нечто, что по-настоящему очень тревожило меня, нечто, о чем я боялся рассказать кому бы то ни было, – я не мог представить себе, какова будет их реакция, ведь это было так странно, то, что меня тревожило, то, что я переживал уже почти

два года». Капоте хотел быть девочкой. И когда он признался в этом некой особе, которая, как он думал, могла помочь ему достичь этой цели, та лишь рассмеялась.) В «Люси», да и в остальных рассказах, острое и оригинальное видение Капоте заглушается чувством; Люси – следствие его желания принадлежать к какому-нибудь сообществу, как литературному, так и просто человеческому: когда он писал этот рассказ, он еще не был готов отказаться от мира белых, не мог сменить принадлежность к большинству на обособленность, которая приходит, когда человек становится художником.

Рассказ «Движение в западном направлении» был шагом в нужную сторону, или предшествованием его зрелого стиля. Построенный как серия коротких эпизодов, он представляет собой своего рода детектив на тему веры и законности. Вот начало:

Четыре стула и стол. На столе – бумага, на стульях – мужчины. Окна – над улицей. На улице – люди, в окна – дождь. Вероятно, это было бы абстракцией, всего-навсего нарисованной картиной, но эти люди, ни в чем не повинные, ничего не подозревающие, действительно двигались там, внизу, и окно действительно было мокрым от дождя.

Люди сидели, не шелохнувшись, юридические выверенные документы на столе тоже лежали неподвижно.

Кинематографический глаз Капоте – кино повлияло на него не меньше, чем книги и разговоры, – уже был острым, когда он создавал эти ученические рассказы, и их истинная ценность заключается в том, что они показывают, куда сочинения типа «Движения в западном направлении» ведут его в техническом смысле. Конечно же, это была еще ученическая работа, которую ему требовалось написать, чтобы подобраться к «Мириам» – потрясающей истории о престарелой одинокой женщине, живущей в чужом заснеженном Нью-Йорке. (Капоте опубликовал «Мириам», когда ему было всего двадцать лет.) И конечно же, такие рассказы, как «Мириам», привели к другим вдохновленным кинематографом повествованиям вроде «Бриллиантовой гитары», а эти, в свою очередь, предвосхитили те темы, которые Капоте так блестяще исследовал в «Хладнокровном убийстве» и в рассказе 1979 года «Вот так и получилось» – о сообщнике Чарлза Мэнсона Бобби Босолее. И так далее, и так далее. В процессе писания и преодоления Капоте, духовный бродяга вроде ребенка без реального местожительства, обрел свой фокус, а быть может, и миссию: артикулировать то, чего прежде общество не выносило на всеобщее обозрение, особенно те моменты гетеросексуальной любви или замкнутого молчаливого гомоэротизма, которые плотным кольцом окружают человека, отделяя от других. В трогательном рассказе «Если я забуду тебя» женщина ждет любви или предается любовной иллюзии, игнорируя реальную ситуацию. Рассказ субъективен; любовь, сталкивающаяся с препятствием, всегда такова. В «Знакомом незнакомце» Капоте продолжает исследовать упущенные возможности и утраченную любовь с точки зрения женщины. Пожилой белой даме по имени Нэнни снится, будто к ней приходит мужчина, одновременно и умиротворяющий, и пугающий – каким иногда воспринимается секс. Как и у героини, от лица которой ведется повествование в мастерски написанном рассказе Кэтрин Энн Портер «Как была брошена бабушка Вэзеролл» (1930), трудный характер Нэнни – голос у нее всегда недовольный – следствие того, что некогда она была отвергнута, обманута любимым и оттого стала очень ранима. Вызванный этой ранимостью скептицизм выплескивается наружу, в мир, который, в сущности, составляет для нее только черная служанка Бьюла. Бьюла всегда под рукой – готовая поддержать, помочь, сочувствующая, – и тем не менее у нее нет лица, она бесплотна, она – скорее эмоция, а не человек. Снова талант изменяет Капоте, когда дело доходит до вопроса расы. Бьюла – не создание, основанное на реальности, она – вымысел, некое представление о том, что есть черная женщина, что подразумевает это понятие.

Но оставим Бьюлу и перейдем к другим произведениям Капоте, тем, в которых его блестящее чувство реальности проявляется через вымысел и придает ему особое звучание. Когда в середине – конце 1940-х годов Капоте начал публиковать свои документальные произведения, писатели-беллетристы редко вторгались в область журналистики, если вообще вторгались, – этот жанр представлялся менее значительным, несмотря на важность, какую придавали ему ранние мастера английского романа, такие как Даниель Дэфо и Чарлз Диккенс, оба начинавшие как репортеры. (Захватывающий и глубокий роман Даниеля Дэфо отчасти основывался на дневниках реального путешественника, а в «Холодном доме» Диккенса – шедевре, написанном им в 1853 году, – повествование попеременно ведется то от первого лица, то от третьего – в форме репортажей журналиста на тему английских законов и жизни общества.) Тогдашние беллетристы редко отказывались от относительной свободы вымысла ради журналистской приверженности фактам, но я думаю, что Капоте нравилось то напряжение, которое требуется, чтобы «обмануть» правду. Он всегда хотел приподнять реальность над банальностью факта. (В его первом, написанном в 1948 году романе «Другие голоса, другие комнаты» этим свойством наделен герой, Джоул Харрисон Нокс. Когда черная служанка Миссури ловит Джоула на лжи, она говорит: «Длинную сказку завернул». И Капоте продолжает: «Почему-то, сочиняя эту небылицу, Джоул сам верил каждому слову»¹.)

Позднее, в эссе 1972 года «Автопортрет» читаем:

Вопрос: *Вы правдивый человек?*

Ответ: *Как писатель – да, полагаю. Как человек – видите ли, это как посмотреть; некоторые из моих друзей считают, что, когда речь идет о фактах или новостях, я склонен переиначивать и усложнять. Сам я называю это «делать их более живыми». Иными словами, – формой искусства. Искусство и правда факта не всегда уживаются в одной постели».*

В своих замечательных ранних документальных книгах «Местный колорит» (1950) и странной, веселой «Музы слышны» (1956), рассказывающей о труппе чернокожих исполнителей, гастролирующей в коммунистической России со спектаклем «Порги и Бесс», и о порой расистской реакции русской публики на актеров, автор использовал реальные события в качестве отправной точки для собственных размышлений на тему аутсайдерства. И большинство его последующих документальных произведений будут о том же – обо всех этих бродягах и трудягах, пытающихся найти свое место в чуждых мирах. В «Ужасе на болоте» и «Магазине у мельницы» – оба рассказа написаны в начале сороковых годов – Капоте рисует затерянные в некой лесной глухомани мирки со своим сложившимся укладом. Действие этих рассказов происходит в замкнутых общинах, стиснутых рамками мачизма, нищеты, смятения и стыда, которые каждый рискует навлечь на себя, шагнув за эти рамки. Эти рассказы – «тени» «Других голосов, других комнат», романа, который следует читать как репортаж из той эмоциональной и расовой атмосферы, в условиях которой формировался автор. (Капоте где-то сказал, что эта книга завершила первую фазу его писательской биографии. Она также стала вехой в «литературе вымысла». В сущности, роман отвечает на вопрос «в чем разница». В нем есть эпизод, где Нокс слушает, как девочка долго рассказывает о своей мужеподобной сестре, которая хочет стать фермершей. «Ну, и что в этом плохого?» – спрашивает Джоул. И в самом деле, что в этом плохого?)

В «Других голосах», драматичном произведении южного готического символизма, мы знакомимся с Миссури, или Зу, как ее иногда называют. В отличие от своих литературных

¹ Перевод Е. Кассировой. – Здесь и далее примеч. пер.

предшественниц, она не согласна жить в тени, вынося горшки и слушая ссоры белых обитателей нарисованного Труменом Капоте нездорового дома. Но Зу не может освободиться, путь к свободе преграждают ей тот же уклад мужского превосходства, невежество и жестокость, которые автор так живо описал в «Ужасе на болоте» и «Магазине у мельницы». Зу совершает побег, но вынуждена вернуться назад, к прежней жизни. Когда Джоул спрашивает ее, сумела ли она добраться до Севера и видела ли снег, о чем всегда мечтала, она кричит ему в ответ: «Снег видела? <...> Снег видела! <...> Нету снегу! <...> Глупости это, снег и все такое. Солнце! Оно всегда! <...> Негритянское это солнце, и душа у меня тоже черная»². Зу изнасиловали по дороге, и насильники были белыми.

Несмотря на заявления Капоте, что он к политике отношения не имеет («Я никогда не голосовал. Хотя, если бы меня позвали, думаю, мог бы присоединиться к любому протестному шествию: антивоенному, «Свободу Анджеле», за права женщин, за права геев и так далее»), политика всегда составляла часть его жизни, потому что он был не таким, как другие, и ему приходилось выживать, то есть понимать, как использовать свою особость и почему он должен это делать. Трумен Капоте – художник воплощал действительность в форме метафоры, за которой он мог спрятаться, чтобы иметь возможность предстать перед миром в образе, не вполне совпадающем с образом южанина-травести с тонким голосом, однажды сказавшего неодобрительно посмотревшему на него водителю грузовика: «Ну, что уставился? Я бы не поцеловал тебя и за доллар». Поступая так, он позволял своим читателям, обычным и необычным, самим представлять себе его реальную сущность в любой реальной ситуации – например, в Канзасе, где он собирал материал для «Хладнокровного убийства», стоящим перед телевизором и смотрящим новости, потому что интересно ведь думать, что, вероятно, из этих новостей он черпает сюжеты, такие как история о четырех чернокожих девушках из его родного штата Алабама, растерзанных в церкви из-за расизма и предрассудков, и, может быть, удивляться, как он в «Завтраке у Тиффани» (1958) мог создать образ симпатичной героини Холли Голайтли, которая, попросив одного мужчину зажечь ей сигарету, при этом говорит другому: «Это я не тебе, О.Д. Ты зануда. Тупой, как ниггер». В лучших образцах своей прозы Капоте верен своей особости по существу и слабее всего оказывается тогда, когда ему не удается отрешиться от конкретности поведения единственного реального прообраза гея (с которым он, вероятно, был знаком в юности в Луизиане или Алабаме) при создании образа меланхоличного, лукавого, погруженного в ностальгию женоподобного кузена Рандольфа, который «понимает» Зу лишь потому, что ее реальность не вторгается в его нарциссизм. Пребывая в своем времени и описывая его, Капоте как художник вышел за его пределы и предвосхитил наши времена, очертив то, что еще только формировалось.

Хилтон Алс

² Перевод Е. Кассировой.

Расставание с дорогой

Наступили сумерки; в городе, видневшемся вдали, начали загораться огни; по раскалившейся за день пыльной дороге, ведущей из города, шли двое: один – огромный могучий мужчина, другой – молодой и хлипкий.

Лицо Джейка обрамляли огненно-рыжие волосы, брови напоминали рога, накачанные мускулы производили устрашающее впечатление; одежда на нем была вылинявшая и рваная, из прорех в туфлях торчали кончики пальцев. Повернувшись к шедшему рядом молодому человеку, он сказал:

– Похоже, пора разбивать лагерь на ночь. Давай-ка, малыш, возьми мешок и положи его вон там, а потом набери сучьев – да попроворнее. Я хочу приготовить харч до темноты. Не надо, чтобы нас кто-нибудь видел. Ну, давай, шевелись.

Тим повиновался приказу и принялся собирать хворост. От натуги плечи его ссутулились, и на изможденном лице резко обозначились обтянутые кожей кости. Глаза у него были подслеповатые, но добрые, губы бантиком от усилий слегка выпятились.

Он аккуратно складывал хворост, пока Джейк нарезал бекон пластинками и клал их на смазанную жиром сковороду. Когда костер был сложен, он стал шарить по карманам в поисках спичек.

– Черт, куда я подевал эти спички? Да где же они? Ты не брал, малыш? Нет, не думаю, ах, черт, вот они. – Джейк достал из кармана картонку спичек, зажег одну и грубой ладонью заслонил крохотный фитилек от ветра.

Тим поставил сковороду с беконом на костерок, который быстро разгорался. С минуту бекон тихо лежал на сковороде, потом послышалось глухое потрескивание, бекон начал поджариваться. От мяса пошел тухлый запах. И без того болезненное лицо Тима приняло еще более болезненное выражение.

– Слушай, Джейк, я не знаю, смогу ли я есть эти отбросы. Мне кажется, не стоит этого делать. Они тухлые.

– Будешь есть это или ничего. Если бы ты не был таким скупердяем и поделился той мелочью, которая у тебя есть, мы бы могли достать на ужин что-нибудь попрличнее. Слушай, парень, у тебя целых десять монет. Это же больше, чем нужно, чтобы доехать до дома.

– Нет, меньше. Я все посчитал. Билет на поезд стоит пять, и я хочу купить новый костюм доллара за три, потом маме привезти что-нибудь примерно за доллар, поэтому на еду я могу потратить только один доллар. Я хочу выглядеть прилично. Мама и остальные не знают, что я два последних года бродяжничал по всей стране, они считают, что я разъездной торговец – я им так писал; они думают, что я приезжаю домой ненадолго, а потом снова отправлюсь куда-нибудь в «командировку».

– Надо было отнять у тебя эти деньги – я голодный, как черт, – и мне ничего не стоило бы их у тебя отнять.

Тим встал и принял воинственную позу. Его слабое хрупкое тело было насмешкой по сравнению с накачанными мускулами Джейка. Джейк посмотрел на него и рассмеялся, потом, прислонившись спиной к дереву и не переставая хохотать, прорыдал:

– Нет, вы посмотрите на него! Да я вмиг скручу тебя, мешок ты с костями. Я могу переломать тебе все кости, но ты кое-что делал для меня – тырил всякую всячину, например, – так что уж оставлю тебе твою мелочь. – Он снова захохотал. Тим подозрительно посмотрел на него и сел обратно на камень.

Джейк достал из мешка две оловянные тарелки, положил три пластинки бекона себе и одну – Тиму. Тим возмущенно посмотрел на него.

– А где еще один мой кусок? Всего их четыре. Два тебе, два – мне. Где мой второй кусок? – требовательно спросил он.

– Ты, кажется, сказал, что не будешь есть эти отбросы. – Упершись в бока руками, Джейк произнес последние слова с сарказмом, тоненьким женским голоском.

Тим не забыл, что сказал это, но он был голоден, очень голоден.

– Это неважно. Отдай мой кусок. Я есть хочу. Сейчас я могу съесть все что угодно. Ладно, Джейк, отдай мне мой кусок.

Джейк, хохоча, запихнул в рот все три куска.

Больше не было произнесено ни слова. Тим надулся, отошел и, набрав сосновых веточек, стал аккуратно раскладывать их на земле. Покончив с этим, он больше не смог терпеть тягостного молчания.

– Прости, Джейк, ты же знаешь, из-за чего все это. Я нервничаю перед возвращением домой и все такое. Я тоже очень хочу есть, но, черт возьми, наверное, мне остается только потянуть пояс.

– Да уж, черт побери. Мог бы отслюнить немного от того, что у тебя есть, и устроить нам приличный ужин. Знаю, о чем ты думаешь. Почему мы не украли себе еды? Нет, в этом треклятом городишке меня на воровстве не поймают. Я слышал от корешей, что это, – он пальцем показал на огни, обозначающие город, – одно из самых злобных мест в этом захолустье. Они тут за бродягами, как коршуны, следят.

– Наверное, ты прав, но, понимаешь, я просто не могу, ну никак не могу взять хоть цент из этих денег. Я их должен сохранить, потому что это все, что у меня есть, и, возможно, в следующие несколько лет ничего больше не будет. Я ни за что на свете не хочу огорчить маму.

Наступление утра было величественным: огромный оранжевый диск, известный под названием Солнце, словно посланец небес, вставал над далеким горизонтом. Тим проснулся как раз вовремя, чтобы наблюдать этот торжественный восход.

Он потряс за плечо Джейка, который вскинулся с недовольным видом и спросил:

– Чего тебе? А-а, пора вставать? Будь оно все проклято, как же я не люблю просыпаться. – Он мощно зевнул и во всю длину вытянул могучие руки.

– Кажись, сегодня будет пекло, Джейк. Хорошо, что мне не придется ходить по жаре – ну, только обратно в город, до вокзала.

– Ага, парень. А ты обо мне подумай. Мне идти некуда, но я все равно пойду, буду просто топтать под этим шпарящим солнцем куда глаза глядят. Эх, была бы всегда ранняя весна – не слишком жарко, не слишком холодно. А то летом потом истекаешь, а зимой в ледышку превращаешься. Чертов климат. Я бы на зиму во Флориду подался, но там теперь уже особо не поживишься. – Он подошел к мешку и снова начал вытаскивать из него приспособления для жарки, потом протянул Тиму ведро.

– Вот, парень, сходи-ка ты на ферму – это с четверть мили отсюда – и принеси воды.

Взяв ведро, Тим пошел по дороге.

– Эй, парень, ты куртку свою не берешь, что ли? Не боишься, что я стырю твою занадку?

– Не-а. Думаю, тебе можно доверять. – Однако в глубине души Тим знал, что доверять нельзя, и не повернул обратно только потому, что не хотел, чтобы Джейк знал, что он ему не доверяет. Впрочем, вполне вероятно, что Джейк и так это знал.

Тим тащился по дороге, она была немощеной, и даже рано утром над ней стояла пыль. До белого фермерского дома оставалось совсем немного. Подойдя к воротам, он увидел хозяина, выходявшего из коровника с бадьей в руках.

– Эй, мистер, можно мне набрать ведро воды?

– А чего ж не набрать? У меня вон колонка. – Грязным пальцем хозяин указал на колонку, стоявшую во дворе. Тим вошел, взявшись за ручку, нажал ее вниз, потом отпустил. Вода вдруг хлынула из крана холодной струей. Наклонившись, он подставил рот и стал, захлебываясь и обливаясь, пить. Потом наполнил ведро и пошел по дороге обратно.

Продравшись сквозь кусты, Тим вышел на поляну. Джейк стоял, склонившись над мешком.

– Черт побери, ничего не осталось. Я думал, хоть пара кусочков бекона еще есть.

– Да ладно. Когда доберемся до города, я куплю себе настоящий завтрак, а тебе, может быть, чашку кофе и булочку.

– Ну, ты и щедр! – Джейк посмотрел на него с отвращением.

Тим поднял куртку, вынул из кармана потертый кожаный бумажник и расстегнул его. Поглаживая бумажник ладонью, он несколько раз повторил:

– Вот это привезет меня домой.

Потом он сунул руку внутрь и тут же отдернул ее, рука оказалась пустой. Ужас отразился у него на лице. Не в состоянии поверить в случившееся, он распахнул бумажник во всю ширину, а потом бросился обшаривать хвою, устилавшую землю. Он метался по кругу, как пойманный в западню дикий зверь, и тут его взгляд наткнулся на Джейка. Его худая маленькая фигурка задрожала от ярости, и он бешено накинулся на него.

– Отдай мои деньги, вор, жулик, ты их украл! Я убью тебя, если не отдашь. Отдавай сейчас же! Я убью тебя! Ты обещал, что не тронешь их! Вор, жулик, обманщик! Отдай деньги, или я тебя убью.

Джейк ошеломленно посмотрел на него и сказал:

– Да ты чего, парень? Не брал я их. Может, ты их сам посеял? Может, они там, на земле, хвоей присыпаны? Успокойся, мы их найдем.

– Нет, их там нет! Я искал. Ты украл их. Больше никому – тут никого, кроме тебя, нет. Это ты. Куда ты их спрятал? Отдай, они у тебя... отдай!

– Клянусь, я их не брал. Клянусь по всем понятиям.

– Нет у тебя никаких понятий. Джейк, посмотри мне в глаза и скажи, что готов умереть, если взял мои деньги.

Джейк развернулся к нему лицом. Его рыжие волосы казались еще более огненными в ярком утреннем свете, а брови еще больше напоминали рога. Небритый подбородок выпятился вперед, между перекошенными губами были видны желтые зубы.

– Я клянусь, что у меня нет твоих десяти монет. Если я тебе вру, пусть меня поезд переедет.

– Ладно, Джейк, я тебе верю. Только куда же тогда могли подеваться мои деньги? Ты знаешь, что с собой я их не брал. Если они не у тебя, то где?

– Ты еще не обыскивал лагерь. Посмотри везде вокруг. Они должны быть где-то здесь. Давай, я тебе помогу искать. Не могли же они сами уйти.

Тим нервно бегал туда-сюда, без конца повторяя:

– Что будет, если я их не найду? Я не смогу поехать домой, я не смогу поехать домой в таком виде.

Джейк искал без особого усердия, сгибая свое большое тело, лениво рылся в хвое, заглядывая в мешок. Тим в поисках денег сбросил с себя всю одежду и стоял посреди лагеря нагишом, разрывая отрепья по швам.

В конце концов, чуть не плача, он сел на бревно.

– Можно больше не искать. Их здесь нет. Я не могу ехать домой. А я хочу домой! Господи, что скажет мама? Джейк, пожалуйста, они у тебя?

– Черт тебя дери, последний раз говорю – НЕТ! Еще раз спросишь – я из тебя все мозги вышибу.

– Ладно, Джейк, наверное, придется мне еще с тобой побродяжничать – пока снова не накоплю достаточно денег, чтобы поехать домой. Надо будет написать маме открытку, сказать, что меня срочно послали в поездку и я приеду повидать ее позже.

– Ну уж нет, со мной ты больше бродяжничать не будешь. Устал я от таких, как ты. Придется тебе самому ходить и самому добывать себе поживу, – заявил Джейк, а про себя подумал: «Я бы и хотел взять парня с собой, да не должен. Может, если он оторвется от меня, поумнеет, вернется домой – глядишь, что-нибудь из него и получится. Да, именно это ему и нужно: вернуться домой и рассказать правду».

Некоторое время они сидели рядышком на бревне. Наконец Джейк сказал:

– Малыш, если ты собираешься идти, лучше бы тебе уже двигаться. Ну, давай, вставай, уже около семи часов, пора.

Тим поднял свой мешок, и они вместе вышли на дорогу. Джейк, крупный и мощный, рядом с Тимом выглядел как его отец. Можно было подумать, что маленький ребенок находится под его защитой. Дойдя до дороги, они повернулись лицом друг к другу, чтобы попрощаться.

Джейк посмотрел в ясные, наполненные слезами голубые глаза Тима.

– Ну, пока, малыш. Давай пожмем руки и разойдемся друзьями.

Тим протянул худенькую ладошку. Джейк обхватил ее своей огромной лапой и тряхнул от всей души – рука парнишки безвольно качнулась в его ладони. Когда Джейк отпустил ее, Тим почувствовал, что в руке что-то есть. Он разжал ладонь – на ней лежала десятидолларовая бумажка. Джейк поспешно удалялся, и Тим торопливо направился за ним. Быть может, то был лишь солнечный свет, отразившийся в его глазах раз, другой, а может, то и впрямь были слезы.

Ужас на болоте

– Слышь, Джеп, говорю тебе, ты все мозги, какие у тебя были, потерял, если собираешься переться дальше по лесу за этим каторжником.

Говоривший это мальчик был маленьким, с коричневым, как ореховая скорлупа, усеянным веснушками лицом.

– Это ты слышь, – отвечал Джеп. – Я очень хорошо знаю, что делаю, и твои дурацкие советы мне по фигу, так что заткни свой поганый рот.

– Господи, да ты рехнулся. Точно. Знай ма, что ты шастаешь по этому старому лесу, где полно привидений, и гоняешься за каким-то чертовым каторжником, она бы сказала: ты что творишь?!

– Лемми, тебя никто не спрашивает. И я вааще не просил тебя таскаться за мной. Можешь катиться домой, а мы с Питом пойдем дальше и найдем этого козла, а потом мы двое – слышь, только мы двое! – явимся и скажем поисковикам, где он. Правда, Пит, старичок? – Он погладил черно-рыжего пса, семенившего рядом.

Они молча прошли еще немного вперед. Мальчик, которого звали Лемми, не знал, что ему делать. Лес был темным, и в нем стояла пугающая тишина! Лишь иногда в деревьях вспархивала или подавала голос какая-нибудь птица, да когда тропинка бежала вдоль ручья, они слышали, как вода журчит по камням и бурлит в крохотных водопадах. Да, тут и впрямь было слишком тихо. Лемми бросало в дрожь при мысли, что придется возвращаться на опушку одному, но идти дальше в лес с Джепом было еще страшнее.

– Знаешь, Джеп, – сказал он наконец, – я, пожалуй, все же сматываюсь. Дальше я туда не пойду: этот каторжник может прятаться за любым деревом или кустом, а потом как выпрыгнет прямо на тебя – и убьет, совсем, до смерти.

– Да катись ты, слабак! Девчонка! Надеюсь, он сцапает тебя, когда ты будешь тащиться назад по лесу один.

– Ладно, пока. Авось завтра в школе увидимся.

– Может, и увидимся. Пока.

Джеп слышал, как Лемми стремительно продирается сквозь подлесок, быстро перебирая ногами, как испуганный кролик.

«Точно, он и есть испуганный кролик, – подумал Джеп. – Маменькин сынок. Нам с тобой вообще не надо было брать его с собой, правда, Пит?»

Последний вопрос он задал вслух, и черно-рыжий старый пес, наверное, испугавшись того, что тишина была так внезапно нарушена, тревожно и отрывисто гавкнул.

Они двинулись дальше в тишине. Время от времени Джеп останавливался и внимательно вслушивался в лес. Но ни малейший звук не указывал на чье-либо присутствие, кроме его собственного. Иногда они выходили на какую-нибудь полянку, покрытую мягким зеленым мхом и затененную раскидистыми магнолиевыми деревьями, которые были усыпаны огромными белыми цветами и пахли смертью.

«Может, надо было послушаться Лемми. Тут как пить дать полно привидений». Джеп поднял голову и стал смотреть на кроны деревьев, в просветах между которыми виднелась синева. Здесь, в этой части леса, было так темно – прямо как ночью. И вдруг он услышал какой-то трескучий звук. Почти в тот же миг он узнал его и замер от страха, как парализованный, потом Пит устрашающе, отрывисто взлаял – и это разрушило наваждение. Джеп резко развернулся и увидел большую гремучую змею, изготовившуюся к броску. Он что было мочи отпрыгнул в сторону, споткнулся и плашмя рухнул на землю. О Боже! Это конец! Он заставил себя, не поднимая головы, сколько мог, оглядеться, ожидая увидеть змею, стрелой летящую в воздухе прямо на него, но когда его взгляд немного сфокусировался, ничего

вокруг не оказалось. А потом он заметил кончик хвоста и длинный, расцвеченный круглыми подпалинами канат, уползающий в подлесок.

Несколько минут он не мог пошевелиться, оцепенев от шока, тело сковал ужас. Наконец он приподнялся на локтях и поискал глазами Пита, но того нигде не было видно. Джек вскочил и стал лихорадочно метаться в поисках пса. Когда он нашел его, Пит лежал на дне красного оврага мертвый, распухший и окоченевший. Джек даже не вскрикнул – он был слишком напуган, чтобы кричать.

Что же теперь делать? Он не знал, где находится, и побежал, как сумасшедший, продираясь через лес, но не мог найти тропинку. О, какой толк бегать? Он заблудился. Потом он вспомнил о ручье, однако и это было бесполезно. Он рванул через болото, но кое-где оно было слишком глубоким, чтобы перейти его вброд, к тому же летом наверняка кишело щитомордниками. Стремительно наступала темнота, деревья начинали отбрасывать вокруг причудливо-ужасные тени.

«И как этот чертов каторжник может здесь находиться? – подумал Джек. – О Господи, каторжник! Я же совсем забыл о нем. Надо как-то выбираться отсюда».

Он бежал, не останавливаясь, и наконец очутился на какой-то полянке. Луна светила прямо у него над головой. Место было похоже на храм.

«Может, если влезть на дерево, станут видны окрестности, и я пойму, куда идти?»

Он огляделся в поисках самого высокого дерева. Это оказалась прямая, гладкая сикомора, совсем без ветвей в нижней части ствола. Но он отлично умел лазать по деревьям и подумал, что, вероятно, сумеет взобраться на нее.

Обхватив ствол маленькими, но сильными ногами, Джек начал подтягиваться дюйм за дюймом. Один раз, взобравшись фута на два, съехал вниз, а возобновив попытку, все время смотрел вверх, выискивая ближайшую ветку, за которую можно было бы ухватиться. Добравшись до первой такой ветки, он вцепился в нее руками и отпустил ноги, они повисли над землей. Он проболтался так с минуту, думая, что вот-вот упадет. Потом закинул ногу на соседний сук и оседлал его, тяжело дыша. Немного отдохнув, он полез выше, перебираясь с ветки на ветку. Земля становилась все дальше и дальше. Добравшись до вершины, Джек просунул голову вверх сквозь листву и огляделся, но не увидел ничего, кроме деревьев – кругом одни деревья.

Он спустился на самый широкий и крепкий сук, земля была далеко внизу. Здесь, наверху, его никто не увидит. Он мог бы просидеть тут всю ночь, если бы только удалось не заснуть. Но он так устал, что ему казалось, будто все вокруг ходит ходуном. Закрыв глаза всего на минуту, он чуть не потерял равновесие, от страха очнулся и стал бить себя по щекам.

Здесь стояла мертвая тишина, сюда не доносились даже трескотня сверчков и ночные серенады лягушек-быков. Было тихо, страшно и таинственно. Но что это? Он даже подпрыгнул от испуга: голоса, где-то совсем рядом, приближаются, они уже здесь! Он посмотрел вниз, на землю, и увидел две фигуры, продиравшиеся через подлесок. Они шли прямо к полянке. О, о, слава богу! Наверное, это поисковики.

Однако в следующий момент он услышал голос – тоненький, испуганный, визгливый: – Подождите! Пожалуйста, пожалуйста, отпустите меня! Я хочу домой!

Где же Джек слышал этот голос? Ну конечно, это же голос Лемми!!!

Но что Лемми делает там, в лесу? Он ведь ушел домой. И с кем это он? Все эти вопросы вихрем пронеслись в голове Джепа, а потом вдруг его осенило, он понял, что происходит: беглый каторжник и Лемми!

Низкий, угрожающий голос сотряс воздух:

– Заткнись, сопляк!

Джеп услышал судорожные всхлипывания Лемми. Теперь голоса звучали совсем близко, почти прямо под деревом. От страха он затаил дыхание, ему стало слышно, как колотится его сердце, и в животе что-то больно сжалось.

– Сядь здесь, парень, – скомандовал каторжник, – и кончай хныкать, черт тебя дерит!

Джеп видел, как Лемми беспомощно плюхнулся на землю и, перекатившись на живот, уткнулся лицом в мягкий мох, отчаянно пытаясь заглушить рыдания.

Каторжник остался стоять. Он был огромный, с мощными мускулами. Его волос Джеп не видел, их скрывала широкополая соломенная шляпа – такие шляпы носили каторжники, когда работали, скованные цепью.

– А теперь скажи мне, парень, – потребовал каторжник, толкая Лемми ногой, – сколько там этих, которые ищут меня?

Лемми молчал.

– Отвечай!

– Я не знаю, – еле слышно произнес Лемми.

– Ладно. Хорошо. Тогда скажи, какие части леса они уже прошерстили?

– Я не знаю.

– Черт бы тебя побрал! – Каторжник ударил Лемми по лицу, и тот снова зашелся в истерику.

«О нет! Нет! Не может быть, чтобы это происходило на самом деле, – подумал Джеп. – Это все сон, страшный сон. Я проснусь – и ничего этого не будет».

Он закрыл глаза и снова открыл их, пытаясь доказать самому себе, что все это лишь кошмарный сон. Но они остались на месте: каторжник и Лемми – и он, торчащий на дереве и не смеющий даже дышать от страха. Если бы у него было что-нибудь тяжелое, он бы сбросил это каторжнику на голову и вырубил бы его. Но у него ничего нет. Он оборвал свои размышления, так как каторжник заговорил снова:

– Ну, давай, вставай, парень, мы не можем торчать здесь всю ночь. Вон луна за тучи заходит – видно, дождь собирается.

Он стал смотреть на небо сквозь кроны деревьев.

У Джепа от страха кровь в жилах застыла; казалось, каторжник смотрит прямо на ту ветку, где он сидит. В любой момент он мог заметить его. Джеп закрыл глаза. Минуты тянулись долго, словно часы. Когда же наконец он набрался храбрости снова посмотреть вниз, то увидел, что каторжник пытается поднять Лемми. Значит, он его не увидел – слава богу!

– Давай, парень, пошел, пока я не задал тебе трепку! – Оторвав Лемми от земли, он держал его на весу, как мешок с картошкой. А потом неожиданно выронил. – А ну заткнись, сейчас же! – завопил он, и голос его был таким взвинченным, что Лемми замер на месте. Что-то происходило. Каторжник стоял под деревом, внимательно вслушиваясь в лес.

А потом Джеп тоже услышал. Что-то надвигалось сквозь подлесок: потрескивали ветки, шуршали потревоженные кусты. Оттуда, где он сидел, ему было видно: десять человек, окружив поляну, стягивали кольцо. Но каторжник лишь слышал шум, он не мог знать, что это, и запаниковал.

– Сюда, мы здесь! Сюда... сюда!.. – завопил Лемми. Но каторжник схватил его за затылок и вжал лицом в землю. Мальчик извивался и лягал его ногами, а потом вдруг обмяк и сделался неподвижен. Джеп увидел, как каторжник отнял руку от его затылка. Что-то случилось с Лемми. В голове у Джепа как будто произошел взрыв: он понял – Лемми мертв! Каторжник удушил его до смерти!

Люди больше не таились, они бешено вырвались из подлеска. Каторжник понял, что попался, он попятился к дереву, на котором сидел Джеп, прислонился к нему спиной и завыл.

Все было кончено. Джеп заорал, мужчины увидели его, подставили руки, чтобы поймать, он прыгнул и без единой царапины оказался на руках у одного из них.

На каторжника надели наручники, а он продолжал кричать:

– Чертов сопляк! Это все из-за него!

Джеп взглянул на Лемми. Один из поисковиков склонился над ним, и Джеп услышал, как, повернувшись к стоявшему рядом товарищу, тот сказал:

– Всё, мертвее мертвого.

И тут Джеп начал хохотать, он хохотал истерически, и горячие соленые слезы катились по его щекам.

Если я забуду тебя

Вот уже почти час Грейс стояла на крыльце, ожидая его. Когда они встретились сегодня днем в городе, он сказал, что придет в восемь. Было уже десять минут девятого. Она села на стоявшие на крыльце качели и постаралась не думать о его приходе и даже не смотреть в ту сторону дороги, где находился его дом, потому что знала: если о чем-то думать, это никогда не случится. Он просто не придет.

– Грейс, ты все еще там? Он еще не пришел?

– Нет, мама.

– Ну не можешь же ты просидеть там всю ночь, иди в дом.

Она не хотела идти в дом, сидеть в старой душной гостиной и смотреть, как отец читает новости, а мать разгадывает кроссворд. Она хотела оставаться здесь, в ночи, которую можно было вдохнуть, почувствовать ее запах и даже потрогать. Ночь казалась настолько осязаемой, что она словно ощущала ее прикосновение, подобно прикосновению нежного синего атласа.

– Вон он идет, мама, – солгала она, – идет сюда по дороге, я побегу ему навстречу.

– Ничего подобного ты не сделаешь, Грейс Ли, – ответила мать зычным голосом.

– Нет, мама, нет, я побегу! Скоро вернусь, только попрощаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.